

Заметки о красоте по-итальянски и по-русски: контрастивная лингвистическая эстетика*

Юрию Леонидовичу Воротникову –
с уважением и симпатией

Об эстетических свойствах людей и предметов, которые нас окружают и которых мы иногда даже не видим, мы чаще всего узнаем из словесных описаний. Именно по этим словесным описаниям у нас и создается соответствующее представление. В результате тот, кто ни разу не видел прекрасную Елену, при упоминании этого имени чаще всего представляет себе блондинку. Говоря о прекрасной Клеопатре, представляют себе тоже очень красивый, но другой тип женщины. На этом принципе основаны и методы презентации произведений искусства о качествах людей или предметов. Мы получаем внушение, производимое явно или исподволь заинтересованными лицами: критиками, искусствоведами, писателями, представителями науки и культуры. Власть слова в этой сфере очень велика, отсюда и предпосылки феномена, который можно назвать *лингвистической эстетикой*.

В отличие от эстетики языка в широком смысле слова, лингвистическая эстетика – это исследование предмета эстетики (категорий прекрасного/безобразного, полезного/бесполезного – в зависимости от того, к какому направлению эстетической науки мы принадлежим) лингвистическими методами. Отсюда и все ограничения на получаемые результаты и на материал непосредственного изучения. А

именно: это изучение того, как сам человек через призму обыденного языка смотрит на мир прекрасного или безобразного. В этом родство лингвистической эстетики с лингвистической философией, особенно в традиции «Оксбриджской» школы философии обыденного языка 1930–1970-х гг., главные представители которой работали в Оксфорде и Кембридже.

Одним из разделов лингвистической эстетики является *контрастивная лингвистическая эстетика*. Контрастивист всегда рад, когда видит непреодолимые различия между двумя сопоставляемыми предметами. Контрастивная лингвистическая эстетика – тот раздел сопоставительной лингвистической эстетики, когда наибольшую радость (а быть может, и злорадство) вызывает именно констатация различий между двумя эстетическими культурами в двух конкретных языках.

Межъязыковые различия в употреблении эпитетов красоты затрагивают не только связь с непосредственным восприятием предметов, обладающих эстетической красотой: различия касаются расхождений в этической оценке тех или иных поступков, но также – возможность при употреблении этих эпитетов указывать на усилительность, завершенность и совершенство.

Например, по этим трем параметрам употребление русского *прекрасный/красивый* сильно отличается от употребления немецкого *schön*, французского *beau*, английских *beautiful*, *pretty* и итальянского *bello*. Результаты, получаемые в рамках такого исследования, дают некоторое представление об идиоэтнических особенностях «наивной эстетики», внеэстетической эстетики, эстетики обычного нормального «человека с улицы». Является ли «красота» универсальным концептом – или носители разных языков имеют в виду разные концепты класса «красота» (красота русская, итальянская, немецкая, французская и т.п.)? Насколько вероятно сближение различных национальных эстетик?

Эти вопросы очень важны для современной культуры, особенно в эпоху глобализации и широких межнациональных контактов, но отвечать на них следует, исходя из позиций и методов самых разных наук. Так, в отличие от тружеников других дисциплин, лингвисты могут профессионально ис-

* Публикация подготовлена при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (грант № НШ–6469.2008.6 «Оптимизация семиотических процессов в многоязычных контекстах», рук. Ю.С. Степанов), в рамках программы Отделения историко-филологических наук РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» (2009–2011 гг.), а также при поддержке РГНФ (грант 11–04–00105а «Эволюция русского лексикона в европейской лингвистической перспективе», рук. А.Д. Шмелев) и в рамках Аналитической ведомственной целевой программы Федерального агентства по образованию Минобрнауки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)» на тему: «Контрастивное исследование языков и культур: Россия и Западная Европа», рег. 2.1.3/13262, рук. В.З. Демьянков.

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН.

следовать только употребление слов и их конструкций в дискурсе на конкретном языке. На большее лингвист претендовать не может, иначе, выйдя за пределы своей профессии, впадет в дилетантизм. Лингвист не может, в частности, прямо выяснить, что итальянцам или русским представляется красивым. Для этого надо быть специалистом в области этнологии, психологии, социологии и т.п. Скорее мы можем установить, когда и при каких обстоятельствах по-итальянски или по-русски говорят «красивый» или говорят как о красивом. Или, когда умалчивают о красивом, можно попытаться выяснить, каким образом, с помощью каких речевых стратегий уходят от вопроса, красив ли данный предмет или безобразен. Ясно, что прямые опросы людей об употреблении слов нуждаются в интерпретации и не дают прямого ответа на поставленный вопрос. Поэтому филологи сегодня рассматривают спонтанные дискурсы или большие корпуса текстов (в век компьютеров это уже технически не сложно). С помощью такой социологии текста, социологии дискурса можно надеяться установить, как концепт красоты реализуется в разных культурах.

В данной короткой заметке рассмотрим употребление эпитета *красивый* в русском и его прототипического переводного эквивалента *bello/bella* в итальянском языке.

Итальянское *bello* обладает, по мнению авторитетных словарей, несколькими группами значений, из которых укажем только четыре.

1. Самое простое значение – то же, что и у русского *красивый*, а именно: «Способный вызывать физическое или духовное притяжение к себе в силу того, что достоин восхищения и созерцания»¹. Сравним: *un bel volto* ‘красивый лик’, *un bell'uomo* ‘красивый человек’, *una bella voce* ‘красивый голос’, *un bel panorama* ‘красивая панорама’, *una casa molto bella* ‘очень красивый дом’, *un bel sorriso* ‘красивая улыбка’, *una bella poesia* ‘красивая поэзия’, *una bella statua* ‘красивая статуя’; *bello stile* ‘красивый стиль’.

Все диминутивы от *bello*, отмечаемые в словаре, получают только это первое значение, связываемое с видимой внешней красотой формы: *bellino*, *belluccio*, *belluccio*. То же относится к «увеличительному» *bellone*.

Среди прочего, допускаются в таких случаях и словосочетания с глаголами становления, превращения и т. п.; впрочем, по-русски более часто употребляют глаголы с основами иными, чем *крас-*, ср.:

¹ «Capace di provocare un'attrazione fisica o spirituale fine a sé stessa, in quanto degno di essere ammirato e contemplato: quella cosa dice l'uomo esser bello, le cui parti debitamente rispondono, perché dalla loro armonia risulta piacimento» (Dante).

– *farsi bella, diventar bella* ‘становиться красивой / похорошеть’ (но не *покрасиветь), ср.: ‘похорошеть – о девушке, которая со взрослением приобретает гармонию форм’ (*di ragazza che maturandosi acquista armonia di forme*);

– *farsi bello di qualcosa, vantarsene senza merito* ‘красоваться’, незаслуженно расхваливая себя за что-либо;

– *farsi bello, abbigliarsi e acconciarsi con cura* ‘со старанием прихорашиваться, т.е. нарядиться и привести себя в порядок’.

Русские *крас-* и *хорош-* ведут себя в этом отношении как супплетивы.

Однако среди этих возможностей сочетать в тексте слова, в которых итальянские одноязычные словари не видят никаких проблем, далеко не все удастся использовать в русском буквальном переводе с помощью прилагательного *красивый*: очень часто нас выручает однокоренное прилагательное *прекрасный*, гораздо более широкое по своим семантике и употреблению.

Так, *un bell'oratore, facondo, ben dotato* нельзя перевести как ‘красивый оратор, красноречивый, высокоодаренный’: можно сказать только *прекрасный оратор*, уклоняясь от суждения о качествах внешности. Итальянское *un bel discorso* – это *discorso che ha riscosso un largo consenso* ‘прекрасная речь, заслужившая одобрение’; *un bello spirito, arguto, fine* ‘прекрасный ум – т.е. острый, тонкий ум’.

Интересно, что некоторые словосочетания в обоих языках имеют в виду именно внешнюю красоту, однако по-русски все равно нельзя употребить слово *красивый* – только *прекрасный*: *il bel sesso, le donne* ‘прекрасный пол – т.е. женщины’. Упомянув *красивый пол* по-русски, имеют в виду только интерьер, а не прекрасных дам.

В некоторых случаях возможно употребление обоих прилагательных *красивый* и *прекрасный*, но смысл тогда у этих переводов будет разный, что соответствует полисемии итальянского прилагательного *bello*: *un bel cavallo* ‘красивая/прекрасная лошадь’; *che bella bestia!* ‘какой красивый/прекрасный зверь!’ – говорится о качествах животного, не обязательно внешних.

Однако есть и случаи, когда по-русски нельзя сказать ни *красивый*, ни *прекрасный*. Например: *il bel mondo “la società elegante”* по-итальянски называют ‘элегантное общество’, т.е. нарядную публику; употребить по-русски словосочетание *красивый/прекрасный свет* недопустимо. Или *bella copia* ‘чистовик’ – нечто набело и аккуратно написанное, но никак не ‘красивая копия’.

2. Следующая группа значений в итальянских словарях помечается как «расширительное употребление», связанное с семами «приятное, счастливое,

даже шикарное (*dignitoso*), наполняющее чувством удовлетворения»: употребить *красивый* здесь по-русски бывает затруднительно. Ср. словосочетание *bel tempo*, буквально по-русски переводимое как ‘прекрасная погода’, но не как ‘красивое время’; *un bel chiaro di luna*, *limpido*, *più* ‘прекрасный лунный свет’; *bel mare*, *calmo e luminoso* ‘прекрасное море, спокойное и светящееся’.

На чувство удовольствия, развлечения, удовлетворенности указывает и следующее словосочетание: *fare un bel bagno*, *una bella mangiata*. По-русски эта идея выражается с помощью наречий *хорошо/прекрасно*: *хорошо искупаться*, *хорошо поест*, т.е. с утратой семы «одноразовости», заложенной в итальянских словосочетаниях.

На идею радости, счастья, особенно в воспоминаниях, указывают такие случаи, как *bei tempi quelli della gioventù!* ‘прекрасные времена молодости!’.

Типичным является употребление в значении ‘правильно, размеренно, в соответствии с устоями, без излишеств’ (*corretto*, *misurato*, *appropriato*): *belle maniere* ‘прекрасные манеры’; *dare una bella risposta* ‘дать прекрасный ответ, адекватный обстоятельствам и по заслугам’ (*quella che le circostanze richiedono o uno si merita*); в этом последнем случае можно даже было бы сказать *дать отповедь*, т.е. без упоминания эстетической стороны.

Наконец, *bello* говорит о красоте в переносном смысле как о том, что заслуживает восхищения с моральной точки зрения: *un bel gesto*, *una bell'azione* ‘прекрасный жест, прекрасный поступок’. Именно как поступок говорится о красивой смерти в афоризме Петрарки: *un bel morir tutta la vita onora*, что только приблизительно можно перевести как ‘красивая смерть заслуживает целой жизни’. В этом сходство с русским очень велико и говорит о красоте смерти как красивого поступка, достойного восхищения (ср. русское «На миру и смерть красна»). По-русски в таких случаях можно сказать и *героическая смерть*.

Заметим, что это сочетание идей красоты и смерти по-немецки (*schöner Tod*), в отличие от русского словосочетания (*красивая смерть*), означает нечто иное: смерть без мучений. Итальянское *fare una bella morte* означает ‘умереть тихо, без страданий’ (*serena*, *senza sofferenze*). Таким образом, лексема *morte* допускает двойную трактовку – «непроизвольный процесс угасания» и «поступок, приводящий к гибели». В отличие от итальянского, по-русски можно красиво стареть, но вряд ли удастся красиво умереть, если не совершить хотя бы одного красивого, т.е. героического поступка.

У некоторых словосочетаний словари указывают – парадоксальным образом – на идею красоты как несоответствие моральным устоям. Так, *fare la*

bella vita, *darsi alla bella vita* трактуется как ‘жить праздно’ (*vivere da scioperato, con una severa sottolineatura moralistica*). По-русски с этим тоже ассоциируется *красивая жизнь*, но далеко не всегда осуждаемая.

3. Очень часто по-итальянски (как и по-немецки) этот эпитет употребляется там, где по-русски более принято говорить о чем-то просто хорошем, но не красивом. Ср.: *una bella riuscita* ‘успешное завершение’, *una bella occasione* ‘прекрасный случай (сделать что-либо)’; *una bella figura* ‘прекрасное впечатление’, *un bello stipendio* ‘хорошая зарплата’, *una bella nevicata* ‘сильный снегопад’. Ирония сквозит в выражениях типа: *bel coraggio molestare un vecchio!* ‘Какая наглость беспокоить старика!’ (буквально: ‘Красивая наглость беспокоить старика’) и *bella batosta* ‘побои’ (буквально: ‘красивые побои’).

Иногда, особенно в разговорном стиле, употребление эпитета красоты приводит к усилению или к плеоназму: *che bel pezzo di ragazza!* (о красивой девушке); *è proprio un bell'ignorante* (‘просто невежда’); *un bel sì, un bel no* ‘решительно да/нет’ (буквально: красивое «да», красивое «нет»). Очень близкий случай – употребление этого эпитета в случаях типа: *nel bel mezzo del discorso* ‘прямо-таки посередине речи, в самый раз, в разгаре беседы’, *non gli darò un bel niente* ‘не дам совершенно ничего’, *a bello studio* ‘нарочно, преднамеренно’, *a bella posta*, ‘совершенно намеренно’. Особенно интересно сочетание *bell'e buono* (буквально ‘хороший и прекрасный’), напр.: *questa è una cattiveria bell'e buona* ‘это просто подлость’.

Употребление этого же эпитета при указании на высокую степень иногда создает значение уступительности у всего предложения (напр.: *ho avuto un bel dire, non li ho convinti* ‘сколько бы / что бы я ни говорил’) или указывает на неотвратимость, неизбежность чего-либо: *era bell'e morto; il dolce è bell'e finito*.

4. В синтаксической связи с неопределенным объектом: *dirne, contarne delle belle*, буквально ‘рассказывать забавные (вещи)’; *sentirne delle belle sul conto di qualcuno*, *cose grosse, spiacevoli; farne delle belle*, ‘наделать страданий, бед’; *l'ho detta (o fatta) bella!* ‘я совершил огромную оплошность’. Говоря о чем-либо действительно невероятном, можно употребить оборот *questa è bella!* ‘вот это красивая (вещь)!’. А выражение *oh bella!* говорит о восхищении или нетерпении.

Наблюдения над большими корпусами текстов художественной и научной литературы последних веков показывают, что эпитет *bello* в итальянском языке не только обладает значительно большей сочетаемостью, но и употребляется значительно чаще, чем прилагательное *красивый* в русском языке. На

основании этих наблюдений можно сделать некоторые выводы о расхождениях между «стандартами речи о красоте» по-итальянски и по-русски. Однако вряд ли отсюда прямо можно сделать выводы о самих «стандартах красоты» в двух культурах.

Во многих языках, если не во всех, эпитет *красивый* обладает следующей прагматикой: речь о красоте является реквизитной для определенных жанров, таких как баллада и лирика, а также – бытовое объяснение в любви. В таких случаях неизменно ожидается упоминание женской красоты. Для российской культуры упоминание мужской красоты выглядит очень экзотично: у мужчин не выработался навык слушать речи о своей красоте; зато у женщин имеется иммунитет: они обладают способностью воспринимать речь о своей красоте как бы отстраненно, лишь вполуха веря речам льстецов.

Объяснение в любви без фразы, которая хотя бы с натяжкой интерпретировалась «как ты кра-

сива», нарушает правила данного жанра. Девушке странно было бы услышать из уст молодого человека: «У тебя такая интересная диссертация! Выходи за меня замуж!» Восполнить упущение в таких случаях может только фантазия адресатки, великодушно допускающей, что говорящий, стремясь к оригинальности, на самом деле хочет, но почему-то (вот чудак!) стесняется сказать: «Какая ты красивая».

В отличие от представителей философской эстетики филологи профессионально не могут искать и не ищут ни определения прекрасного, ни границ между эстетикой и этикой. То есть мы не ищем различий между тем, что красиво само по себе, тем, что оценивается как приближение к идеалу формы, и тем, что заслуживает одобрения или порицания. Более или менее профессионально филологи могут исследовать только речь о прекрасном. Речь эта демонстрирует очень поучительные расхождения между разными национальными культурами.

ON BEAUTY IN ITALIAN AND RUSSIAN: CONTRASTIVE LINGUISTIC AESTHETICS

V.Z. Demyankov

Summary

The main object of investigation in contrastive linguistic aesthetics is textual uses of terms denoting beauty in different languages. Languages differ in the use of even most elementary aesthetic terms, such as 'beautiful', 'pretty', etc. Confronting the meanings of such terms in the Italian and Russian languages may provide an illustration of semantic and pragmatic differences between these languages. This linguistic analysis does not give us an answer to the questions concerning the national standards of beauty, though.

Ключевые слова: контрастивная семантика, контрастивная прагматика, лингвистическая эстетика.

Key words: contrastive semantics, contrastive pragmatics, linguistic aesthetics.

© 2011

М. Онер

Обратные татарско-русские заимствования

В общем языкознании рассматриваются «вторичные обратные заимствования», или «обратные заимствования» (*reborrowings*), которые наглядно демонстрируют тесную историческую взаимосвязь различных языков. Слово исходит из языка-донора, затем попадает в другой язык, десемантизируется и в качестве нового понятия возвращается обратно в

ОНЕР Мустафа – доктор филологических наук, профессор Эгейского университета (Измир, Турция).

язык-донор. Для объяснения этого явления лингвисты приводят следующие примеры.

Французское *biftek* происходит от английского *beefsteak*; в английском языке слово *beef* обозначает ‘мясо коровы’, а само это слово, в свою очередь, возникло из нормандского или французского (ср. фр. *bœuf* ‘корова’).

Французское *cinema* ‘кино’ возникло от греческого *kinima* (*κίνημα*) ‘движение’, а затем вернулось